

ней с учетом всего комплекса составляющих ее компонентов (включая и литературный), — довольно любопытное явление византийской культуры. Кроме греческого текста, хроника дошла также во французской, итальянской и арагонской редакциях. Хотя вопрос о соотношении редакций, оказавшийся довольно сложным, окончательно не выяснен, можно говорить, без сомнения, о зависимости греческого текста от французских источников, в частности от «Книги завоеваний Аморийского княжества», датируемой 20-ми годами XIV в.

Морейская хроника — поэма, написанная с позиций западных завоевателей христианского Востока, сочиненная в середине XIV в. Герои поэмы — блистательные воины, вызывающие восхищение и симпатии удачью и отвагой, верностью законам рыцарской чести и справедливости. Едва представив читателю этих героев, начиная с Первого крестового похода, автор прямо переходит к событиям Четвертого похода, не отклоняясь существенно от хода событий (известных по описанию Жоффруа Виллардуэна). Далее внимание сосредоточивается на деяниях первых морейских деспотов: Гийома Шамплитта (1205—1209), Жоффруа I Виллардуэна (1210—1218) и Жоффруа II (1218—1245). Из всех французских правителей Морей особым вниманием автора хроники пользуется Гийом Виллардуэн (1245—1278).

Гийому приписываются такие черты, как милосердие, широта, благородство, которые он проявил во время похода с целью захватить Монеувасийскую крепость — крупнейшую морскую и военную базу Пелопоннеса. Осаждая крепость, он «сжимает ее подобно тому, как заключают в клетку соловья» (сравнение неудачно, но автор, возможно, имеет в виду чарующую красоту Монеувасии). Осажденные сдаются. Благородный победитель выполняет все просьбы побежденных и, скрепив свои заверения клятвой и печатью, принимает ключи от представителей города, даруя им в то же время владения, коней и дорогие одеяния. С Гийомом связаны и события, разворачивающиеся вокруг другой крепости — Мистры, превращенной в главную цитадель Виллардуэнов. Высокие достоинства Гийома проявляются здесь в иной ситуации: он сам оказывается осажденным и вынужденным сдать в плен византийскому императору Михаилу Палеологу. Бесстрашный, гордый, непреклонный, он отвечает отказом на все требования победителя. Никакие угрозы, заявляет он, не заставят его уйти из Морей, с земли, завоеванной мечом его отца. Автор хроники не скрывает своего восхищения Гийомом и другими франкскими рыцарями, противопоставляемыми нередко несовершенным нравами ромеев.

Текст хроники, почти полностью лишенный метафоричности, лишь изредка возвышается над повествовательным уровнем: птицы, оплакивающие рыцаря (образ, заимствованный из народной поэзии), — исключение в этом обширнейшем стихотворном сочинении. И все-таки вопреки мнению К. Крумбаха Морейская хроника не проза. Сочинение отмечено своеобразной поэтической интонацией, ритмикой, создаваемой прежде всего ритмом действия, быстрой сменой эпизодов, а также эмоциональной тональностью вставляемых в повествование вымышленных речей, монологов и диалогов исторических персонажей, искренним восторгом автора молодостью, удачью, смелостью героев. Что касается отсутствия поэтических украшений, то это можно объяснить не столько малой одаренностью поэта, сколько подсознательным ощущением стилистики своеобразной жанровой формы — *ритмизированного исторического повествования*.

Интересен вопрос о том, кем и для кого написана Морейская хроника. Является ли ее автор гасмулом (т. е. рожденным от смешанного брака — сыном француза и гречанки) или франком, в совершенстве овладевшим греческим языком (таких случаев было немало, так как это было единственной возможностью общения с греческим населением)? Являются ли те, кому предназначена поэма, греческими архонтами (как думает Х.-Г. Бек), принадлежащими в силу их социального положения к франкскому культурному кругу?²⁵

Если автор хроники — грек, пишущий для греков, то вопрос о ее авторстве и читателе обретает еще большую остроту, ибо поэма в таком случае представляется свидетельством глубокого изменения в условиях франкокрлатии в ряде областей Греции и в определенной социальной среде национального самосознания. Греческая земля у автора хроники не вызывает в исторической памяти никаких воспоминаний, пятнадцатисложный византийский стих, кото-